

Теоретические курсы и семинары по античной эпиграфике велись в Московском университете в 1920—1926 гг. проф. Н. И. Новосадским. Из этих семинариев вышли новые кадры, новые работники. Некоторые из них уже получили известность в области античной эпиграфики и античной археологии (Б. Н. Граков, В. Д. Блаватский, Л. П. Харко и др.).

Применение новых методов к изучению и объяснению античных надписей, привлечение к делу нового материала (керамические надписи) и целый ряд статей, в которых издавались новые надписи и нередко исправлялись ошибки как русских, так и западно-европейских ученых и проводились новые взгляды по поводу уже изданных надписей,— все это указывает, на какой высоте стояла в СССР античная эпиграфика в 1917—1937 гг. Сделано много, но много еще остается сделать. Необходим дальнейший пересмотр уже изданных надписей юга СССР, как важного источника для истории той жизни, которая здесь протекала. Необходимо глубже раскрыть экономические и социальные отношения в античных греческих колониях Причерноморья. Необходимо также подвергнуть новому рассмотрению оноματοлогию античных надписей, в которой можно найти много ценных этнологических указаний. Но это последнее, конечно,—дело более наших языковедов, чем эпиграфистов.

Проф. Н. Новосадский

В. С. СЕРГЕЕВ—Очерки по истории древнего Рима. Части 1 и 2.
Социально-экономическое издательство, М., 1938.

Книга В. С. Сергеева представляет значительное явление в нашей исторической литературе. Впервые широкие круги не только учащихся и преподавателей, но и вообще советской интеллигенции получают законченное изложение в с е й римской истории, поданной не в виде сухого, педантичного изложения фактов или мертвой социологической схемы, а в виде интересно, живо и образно написанной книги. Обилие незатасканных рисунков (более 200), технически хорошо выполненных, представляющих самостоятельный познавательный интерес, также способствует оживлению книги. Автор правильно поступил, включив в свое изложение множество цитат из первоисточников, в том числе надписей, недоступных в оригинале большинству читателей книги. Эти цитаты не только обогащают читателя знанием материала, но придают книге живой колорит, как бы перенося читателя в эпоху, о которой повествует автор.

Книга состоит из двух частей; в первой излагается история республики до принцепата Августа, во второй—история империи до падения Западной Римской империи. Обе части не равноценны. Первая дает сжатый очерк, не выходящий за пределы обычного университетского курса. Вторая часть, большая по объему, носит исследовательский характер. Она ставит ряд вопросов, не получивших еще разрешения в исторической науке, и привлекает к решению их значительный материал источников. Читатель не посетует за предпочтение, которое автор отдает истории империи, так как именно империя менее всего освещена в литературе, и эта именно часть разработана автором основательно.

В первой части В. С. Сергеев, повидимому, поставил себе задачей дать лишь сжатую сводку наших знаний по истории Римской республики. Он поэтому, например, не ставит здесь и не пытается разрешить проблему исторической ценности предания, а лишь излагает его. Он также только отмечает три вопроса, из которых «состоит этрусская проблема», не пытаясь указать путь, по которому должно пойти решение этих вопросов. Между тем, как раз на этих вопросах немало изощряется фашистская историография, и читатель вправе ожидать, что в книге В. С. Сергеева он найдет опровержение фашистских измышлений.

Автору следовало бы также внимательнее отнестись к вызывающему еще у нас споры вопросу об оценке заговора Катилины. В. С. Сергеев предпочитает предоставить слово источникам—Саллюстию и Цицерону, а из собственных комментариев самого В. С. Сергеева у читателя ясного представления не получится. Автор склонен считать заговор Катилины революционно-демократическим движением, исходя, повидимому, из того, что Катилина, несомненно, имел сторонников в среде плебса. Автор, однако, не дает четкого анализа тех мотивов, которые одно время толкали плебеев в ряды катилинариев. Необходимо иметь в виду, что в условиях того времени любой заговор против существующего политического строя мог встретить сочувствие среди некоторых элементов неорганизованных угнетенных масс. С другой стороны, та республика, которую «спасал» Цицерон, отнюдь не была призвана, по его мысли, защищать интересы трудящихся. Немало демагогии было пущено в ход обеими сторонами; и аристократические республиканцы и кандидаты в диктаторы одинаково прикрывались демократическими лозунгами. Автор не сумел последовательно и четко поставить заговор Катилины в рамки политических тенденций борьбы за военную диктатуру.

Смущает также некоторая неясность в вопросе о ликвидации родового строя в древнем Риме. Энгельс связывает «революцию, которая положила конец древнему родовому строю», с так называемой реформой Сервия Туллия. «Тимократическая конституция Сервия Туллия,—правильно пишет В. С. Сергеев,—закрепляла главные права в Римском государстве за первым классом с о с т о я т е л ь н ы х (подчеркнуто мною.—А. Р.) граждан» (стр. 47). В основе государственного строя после реформы Сервия Туллия лежат уже не кровные узы, а территориально-имущественное деление. Поэтому непонятно, почему, по мнению В. С. Сергеева, «после изгнания Тарквиниев... вновь возродились родовые порядки», и в чем это возрождение выразилось. В действительности «еще до отмены так называемой царской власти» в Риме был разрушен «древний общественный строй, покоившийся на личных кровных узах, а вместо него учреждено новое, действительно государственное устройство, в основу которого было положено территориальное деление и имущественные различия». «В рамках этого нового порядка... развивается вся история Римской республики с ее борьбой между патрициями и плебеями» (Э н г е л ь с—Происхождение семьи..., 1934, стр. 115). Допуская, вопреки всему этому, возврат родовых порядков, В. С. Сергеев вынужден отнестись к V в. то положение вещей, которое Энгельс рисует для эпохи до реформы Сервия Туллия, и соответствующая цитата из «Происхождения семьи...», приведенная здесь (стр. 53), оказывается неуместной, запутывая совершенно ясно изображенный Энгельсом ход вещей.

Излагая довольно подробно внешнеполитическую историю республиканского Рима, В. С. Сергеев отводит довольно много места и социально-экономической истории, притом не только Рима, но и Италии, массовым движениям и восстаниям рабов.

Автор усматривает некоторую общую линию развития Рима от небольшого города-государства через объединение Италии к мировой империи, как предпосылке новой общественно-экономической формации—феодализма. С этой точки зрения победа Рима в союзнической войне была победой «римской государственной централизации, рабовладения, торгового капитала и латинской культуры. Старая деревенская Италия с ее натуральным укладом жизни, культурой, нравами и верованиями—Италия умбров, этрусков, марсов, сабеллов, луканов и самнитов—сходила с исторической сцены» (стр. 215). «Отмирание республиканских учреждений и рост императорской власти явились закономерным следствием превращения города-государства в Средиземноморскую империю» (стр. 380). Таким образом, падение республики и возникновение империи было прогрессивным этапом в истории Рима в том смысле, что, будучи закономерным результатом развития общества, империя подготовила переход к следующей общественно-экономической формации. Эта идея особенно подробно развита во второй части книги В. С. Сергеева. Вместе с тем автор неоднократно подчеркивает, что «как республика, так и империя были политическими надстройками рабовладельческого

общества, хотя различно организованными и находящимися на разных стадиях исторического развития» (стр. 379; ср. стр. 512).

В. С. Сергеев правильно поступает, уделяя много внимания зарождению феодальных отношений внутри рабовладельческой Римской империи. «Возникновение новых производительных сил и соответствующих им производственных отношений происходит не отдельно от старого строя, не после исчезновения старого строя, а в недрах старого строя, происходит не в результате предположенной сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей» [«История ВКП(б)», стр. 123]. В. С. Сергеев не только показывает, как зарождается колонат, а колонны постепенно превращаются в «предшественников средневековых крепостных»; он также приводит значительный материал о патронии, новой форме зависимости, при которой крестьяне теряли мало-помалу личную свободу, а их «покровители» превращались в феодалов. Он отмечает также «тенденцию провинций к сепаратизму и самостоятельности» уже с конца II в. «Развивавшийся сепаратизм провинции был одним из симптомов разложения рабовладельческого государства и вызревания новых, феодальных порядков» (стр. 625). Характерное для рабовладельческого строя господство города над деревней начинает уступать место в период империи господству деревни над городом. «Доминат в своей основе представляет объединение сельских территорий—сальтусов, поместий и волостей. Деревенский отпечаток лежит на всем строе римского общества последнего периода» (стр. 647). Жаль, что это вскользь брошенное замечание не развито в книге В. С. Сергеева.

В. С. Сергеев, поскольку позволяет доступный и используемый материал, старается в своей книге показать тот «безвыходный тупик, в который попал римский мир» и вывести из которого «могла только коренная революция» (Э н г е л ь с). Автор, надо полагать, прав, когда считает, что революция рабов, ликвидировавшая рабовладельцев, не была единовременным актом, совершившимся в определенном месте, а представляет собою серию восстаний и революций, вспыхивавших разновременно в различных частях империи. Он поэтому начинает историю революций с кризиса III в. Но он неправ, когда говорит о «социальной революции III в., завершившей историю рабовладельческого общества» (стр. 635). Кризис III в. положил лишь начало революционным выступлениям, и из этого кризиса рабовладельческая империя вышла еще довольно крепкой и пережила даже, как показывает В. С. Сергеев, еще период экономического оживления в первой половине IV в. Кризис III в. нанес империи жестокий удар, от которого она уже не могла окончательно оправиться. Недаром именно вскоре после кризиса христианство стало господствующей религией: ведь оно было продуктом разложения рабовладельческого общества и потому могло противостоять этому разложению и даже обрести в нем все больше силы. Но рабовладельческое общество не потеряло еще силы сопротивления, и доминат был последней фазой рабовладельческой империи. Поэтому неправильно утверждение В. С. Сергеева, будто в результате кризиса III в. «раб или совсем исчезал или же превращался в крепостного колона» (стр. 641), да и сам В. С. Сергеев приводит (стр. 677) сообщение Аммиана Марцеллина об оживленной торговле рабами в Малой Азии в IV в.

Конечно, В. С. Сергеев отнюдь не намерен считать III в. концом рабовладельческого Рима; его изложение периода домината и падения Западной Римской империи лучше всего показывает, что революция рабов не исчерпывается событиями III в. Но он подает повод к неправильным выводам, чрезмерно преувеличивая значение возникших в недрах рабовладельческого общества элементов феодальных отношений.

Напрасно также В. С. Сергеев вытаскил из старого арсенала термин «ойкос» в применении к империи. «Императорский ойкос» решительно ничего не поясняет и составляет ненужную терминологическую нагрузку, способную только сбить с толку читателя.

Хорошо и просто изложены в книге главы, касающиеся периода правления Диоклетиана и Константина. Очень жаль, что В. С. Сергеев слишком мало места уделил

правлению Константина, которое можно считать последним поворотом на пути к гибели империи. Да и сама личность Константина дала бы В. С. Сергееву, мастеру живописных портретов, благодарный материал. С удивлением приходится отметить, что В. С. Сергеев счел нужным привести «психологический мотив к обнародованию миланского эдикта» Константином, заимствованный у церковника Лактанция (стр. 740). Энгельс указывает реальный мотив: «честолюбивый Константин увидел, что принять эту бессмысленную религию есть лучшее средство для того, чтобы возвыситься до положения самодержца римского мира» («Бруно Бауэр и раннее христианство», Соч., т. XV, стр. 600).

Спорным представляется в книге В. С. Сергеева описание «римского мира» (рах *Romana*) и «счастливого периода» Антонинов. Автор почти всегда берет «римский мир» и «счастливый период» в кавычки. Но он, повидимому, и сам склонен считать период Антонинов счастливым без кавычек. В соответствии со своей идеей о закономерном прогрессивном развитии римского общества, В. С. Сергеев правильно подчеркивает экономический подъем провинций в первые века империи, расцвет провинциальных городов, переход варварских и полуварварских обществ, насильственно включенных в Римскую империю, на высшую ступень общественного развития. Глава XVIII, как и тесно примыкающая к ней глава XXI, содержит много ценных и плодотворных мыслей и двигает нашу историческую науку вперед. Однако автор упустил из виду оборотную сторону процесса подъема провинций. Нивелирующая сила Рима привела к углублению классовых противоречий, к усилению эксплуатации трудящихся, к разорению крестьянства, к уменьшению народонаселения. Три рычага, которые, по выражению Энгельса, сводили все к одному уровню, — военная сила, римская судебная власть и податный аппарат, — «все глубже ввергали крестьян в кабальную зависимость от ростовщиков, порождали крупные имущественные различия, обогащали богатых, доводили до полной нищеты бедных» («К истории первоначального христианства», Соч., т. XVI, ч. 2, стр. 425). Эта сторона дела едва затронута в изложении истории ранней империи (стр. 546). Похвалы, расточаемые империи цитируемыми в книге панегириками и посвятельными надписями, не могут быть приняты всерьез. Между тем, и у Марциала, и у Ювенала, и у Персия, и у Диона Хризостома и, особенно, в документах, в частности в египетских папирусах и в цитируемых В. С. Сергеевым надписях, можно было найти красочные материалы для характеристики отчаянного положения трудящихся. Односторонность в обрисовке положения в ранней империи привела даже к тому, что автор (стр. 722) отнес к V в. характеристику римского общества (всеобщее бесправие, всеобщая апатия и деморализация), которую Энгельс дает для I в.!

К числу достоинств книги В. С. Сергеева надо отнести привлечение обильных юридических текстов, очень мало используемых в нашей литературе. Эти тексты, особенно кодексы Феодосия и Юстиниана, содержат очень много ценного исторического материала, и заслугой В. С. Сергеева является то, что он сумел этот материал извлечь. Автор уделяет также много внимания характеристике римского права. Но в трактовку римского права В. С. Сергеевым необходимо внести существенные поправки, так как автор, поддавшись влиянию юридических источников и «юридической школы», допустил здесь серьезные промахи. На стр. 512, правильно характеризуя Римское государство, как организацию диктатуры рабовладельческого класса, автор неожиданно заключает, что оно служило средством для поддержания внутреннего порядка и для защиты против покушений «соседних народов». Но так объясняют смысл и значение государства сами рабовладельцы и их юристы. Энгельс указывает: «Свое право на существование оно (государство) основывало на поддержании порядка внутри и на защите от варваров извне, но его порядок был хуже злейшего беспорядка» (подчеркнуто мною. — А. Р.). Этот промах тем более досаден, что автор в других местах, ссылаясь на Ленина, дает правильное определение античного государства.

Странным представляется тезис В. С. Сергеева, что «в условиях рабовладельческого строя римское право, несмотря на все его формальное совершенство, не могло разрешить основного противоречия этого строя—антагонизма рабов и рабовладельцев» (стр. 735). Можно подумать, что вообще-то право способно такие противоречия разрешать! Право, будучи лишь надстройкой над экономическим базисом, не может изменить производственные отношения, и если в римском праве появляются абстрактные рассуждения о равенстве людей по природе, то это было лишь отражением того факта, что в Римской империи постепенно исчезали различия между разными категориями свободных. «Но пока существовала противоположность между свободными и рабами, не могло быть и речи о правовых выводах из общечеловеческого равенства» (Энгельс—«Анти-Дюринг», 1931, стр. 94).

Точно так же, вопреки мнению В. С. Сергеева, опирающегося опять-таки на казуистику юристов, презрение к физическому труду не было преодолено с установлением империи. Энгельс подчеркивает, что еще к концу империи «умирающее рабство оставило свое ядовитое жало в виде презрения свободных к производительному труду» («Происхождение семьи...», Партиздат, 1934, стр. 132).

В книге отводится много места культуре империи—литературе, науке, философии, искусству, архитектуре. Необходимо отметить, что автор не уделяет внимания материалистической философии. Это—серьезное упущение. Отводя целую страницу Сенеке, автор ограничивается замечанием, что эпикуреизм, как и стоицизм, «в одинаковой мере проникнуты пессимизмом, хотя и различно выраженным». Это все, что мог сказать автор о материалистической философии! Совершенно непростительно, что великий философ-материалист и гениальный поэт Лукреций даже не упомянут в книге!

Отмеченные недочеты и промахи не связаны органически с трудом В. С. Сергеева и легко могут быть устранены в последующих изданиях этой интересной и ценной книги. Содержащиеся в ней спорные положения все же будят исследовательскую мысль. Заключительные абзацы книги намечают проблему разложения рабовладельческого строя и возникновения феодализма в Восточной Римской империи в результате проникновения в Византию славян, которые «принесли с собой родовой строй и общину». Эта проблема должна стать темой специальных исследований не только для историков античности, но и для византинистов и историков СССР.

Книга значительно выиграла бы, если бы автор предпослал ей обзор источников и литературы. Это тем более необходимо, что автор в выборе цитируемых источников руководствуется иной раз не столько ценностью данного источника, сколько формой подачи материала в нем. Читатель должен узнать из книги, какая цена какому-нибудь Флору или Веллею Патеркулу в сравнении с Полибием или Аппианом.

В книге имеется значительное количество мелких недочетов, которые потребуют при переиздании тщательной проверки всего текста, всех цитат и ссылок. Количество опечаток во много раз превышает тощий список, приложенный к каждой части; есть грубые опечатки, как дата смерти Ирода 44 г. вместо 4 г. (стр. 426) или непонятное «амхарез» вместо ам-гаарец (стр. 355), или «третья книга Ездры» вместо «четвертая книга Ездры» (стр. 557). Много неряшливостей в цитатах и сносках. Совершенно бесполезны такие ссылки, как «Festus» (стр. 42), или ссылка на Daremberg et Saglio с указанием страницы, но без указания тома или слова (стр. 136); совершенно не к чему по поводу тривиальной фразы о любовных интригах Клеопатры отсылать читателя к книге итальянского автора (стр. 364). Странное впечатление производят при цитировании русских стихотворных переводов древних авторов ссылки на оригинал. Даже каноническое «Откровение Иоанна» цитируется почему-то со ссылкой: «Aposcalyp., XVI, XIV», причем ни в XVI, ни в XIV главах «Апокалипсиса» цитируемой фразы нет, ибо она скомпонована из разных текстов.

Необходимо будет также сократить и исправить в дальнейших изданиях некоторые латинские цитаты. Вообще можно приветствовать обилие латинских цитат, так

как они знакомят читателя с терминологией, с начертанием римских имен, со стилем официальных документов. Но совершенно нет надобности затруднять внимание читателя латинским текстом, когда он ничего читателю дать не может (например, стр. 304, 531). В некоторых случаях латинская цитата не совпадает с русским текстом: «нашего, блаженной памяти, родителя Диоклетиана (*plebs urbana immunis*)», стр. 653; «отбиралось в казну (*si quis faxit, quotiens faxsit, in agri iugera*)», стр. 187.

Попадают и фактические ошибки: например, на стр. 114 говорится о иерусалимском первосвященнике Маттафии, который не был однако ни иерусалимским, ни первосвященником; неверно, что «христианские общины были потребительными коммунами, удерживавшими старые производственные (?) основы» (стр. 566); неверно, что христианство возникло в Палестине (стр. 559) и мн. др. На ряд ошибок уже указывалось в печати. С этой стороны книга при переиздании потребует основательной правки.

Поразительно, что в книге попадают— правда, очень редко— стилистические небрежности. «Вирриат был официально признан римским консулом Фабием Максимом Сервилианом, окруженным лузитанским отрядом, царем лузитан» (стр. 121); здесь нагромождение творительных падежей делает фразу почти непонятной. Или: «п р а в а заарендованного участка (?) на *ager publicus* подлежали отобранию в государственный фонд» (стр. 168). Такие неудачные выражения тем более обидны, что книга вообще написана хорошим, простым и ясным языком. При переиздании, — а книга безусловно требует и заслуживает переиздания— необходимо будет все эти досадные мелочи

Издана книга хорошо, с 11 картами, хронологической таблицей, списком императоров и их титулатуры, подробным описанием рисунков, указателями. Почему-то издательство поскупилось дать подробное оглавление, что затрудняет пользование книгой.

А. Ранович

«*Peuples et civilisations*». Histoire générale publiée sous la direction de LOUIS HALPHEN et PHILIPPE SAGNAC. 1935—1937. Vol. 1—«*Des premiers civilisations*», р. 1—491. С приложением хронологической таблицы и географических карт. 1935.

Серия «Народы и цивилизации» первую свою часть посвящает истории древнего мира. Она занимает четыре тома, причем очень близко сюда примыкает и том V, посвященный собственно эпохе «переселения народов», варварских вторжений на Запад и носящий заголовок «Варвары».

Но данное французское издание выгодно отличается своей компактностью и привлекает читателя живостью, краткостью и популярностью изложения.

Издатели рассматриваемой серии, Альфан и Саньяк, исходят из того положения, что мировая война показала исключительную связанность всех стран мира, всех частей нашей планеты между собой. Поэтому составители данной серии пришли к выводу, что нельзя теперь строить схему исторического процесса на примере изучения одного или нескольких избранных народов. Задачей «Истории древности» — этой части серии Альфана и Саньяка — является изображение параллельного развития самых различных народов древности.

Но если мы возьмем первый том, то сразу же бросается в глаза то, что этой своей исторической теории составители не проводят до конца.

В первом томе дана древнейшая история Востока до V в. до н. э. В изложении материала проводится синхронный принцип. Определенный хронологический отрезок включает в себя параллельное изложение преимущественно следующих стран: Египта, государств Двуречья, Малой Азии и Эгейского бассейна. Нельзя не отметить некоторой искусственности в проведении синхронного принципа изложения на примере истории Востока. Так, например, история Египта доводится до конца Среднего царства и прерывается изложением истории шумеров, Вавилона, времени Хаммураби и Эгейского